

Обзор читателя произведений "Кубка мира по русской поэзии 2015", вошедших в ТОП-32 конкурса.

Александр СОШЕНКО

ВЗГЛЯД ЧИТАТЕЛЯ

(письмо было получено 30 декабря, то есть - до оглашения имен авторов произведений - ред.)

21. ЭНСК

Если хочешь, снова поедem в Энск.
И на верхней полке лежать пластом
мне за сутки, может быть, надоест
но не поезд главное, а паром.
Сколько помню родину, пацаны
крутят ручку, наматывают канат.
Ни уезда нет уже, ни страны,
а паром туда идет и назад.
И пустые лодки клюют причал,
и, скуля уключиной, тянут трос.
Если кто надумает нас встречать,
не поймет ни речи твоей, ни слез.

Ничего, что в землю вросли дома,
и кренится липовый палисад,
ты давно предчувствовала сама,
что и дом окажется нам не рад.
Ничего, останемся хоть на год,
подоконный угол займет герань,
и скруглит решительный поворот
к деревянной проступи со двора,
с холодка, уткнувшегося в окно
к забытью минутному у двери.
Что песок повсюду, так это дно,
никому об этом не говори.

Так и не смог для себя решить, это монолог мужчины и женщины или монолог женщины с самой собой. Второй вариант для меня почему-то ложится естественнее на текст. Так и не смог понять, Энск существует и в него можно реально поехать (я о реальности стихотворения, а не о нашей реальности за окном) или он уже существует только в воображении ЛГ. «Останемся хоть на год» - склоняет чашу весов в пользу реальности, а финальное двустушие – в плоскость воображения.

«Сколько помню родину» - резануло слух. У нас так не говорят, обычно упоминают конкретное место или обобщают: «север», «Сибирь», «те места».

«Крутят ручку, наматывают канат» - если это о подъеме пандуса парома, то вопросов почти нет, если же об одном из типов парома, который движется вдоль троса/каната за счет специального механизма типа валиков для отжима белья на старых стиральных машинках, то возникает фактологическое противоречие между вышеприведенной фразой и появляющейся чуть позже «тянут трос». Но дело даже не в этом, а в затесавшихся между этими фразами лодках. В сочетание со знаками препинания мы получаем фразу: «И пустые лодки клюют причал, и, скуля уключиной, тянут трос.» - что-то из Стенли Кубрика по мотивам Стивена Кинга.

Смутила и предфинальная сумятица: «подоконный угол займет герань, и скруглит решительный поворот к деревянной проступи со двора, с холодка, уткнувшегося в окно к забытью минутному у двери» - то ли герань скруглит решительный поворот от окна к двери – смутно себе представляю это действие, то ли решительный поворот скруглит непонятно что.

Финал очень сильный. Две строчки заставляют меня забыть и о пустых лодках, тянущих трос, и о герани, скругляющей поворот. Потому что это обо мне, даже если автор писал о чем-то другом. Село, в котором я родился, уже почти 50 лет как не существует, а место, где оно стояло, стало дном Красноярского моря. Точно также нужно было бы ехать на поезде - до Абакана, а потом на автобусе через два парома: Туба и Сыда. До недавнего времени в сезоны аномально низкого уровня из воды показывалась пара коряг – тополя в нашем палисаднике...

25. РЕЛЬСЫ-РЕЛЬСЫ

Узел в памяти был, как железнодорожный...
Остывала земля, пересыхал, что ручей, вокзал,

окруженный таксистами, желтой кленовой дрожью.
Оброненный в жизнь котенок под креслами замерзал.
Город L, известный тем, что в него отправляли в ссылку
литераторов и др. убогих. Болоньевое пальто,
под которое мама прячет шерстнатого и обнимает сильно,
мы не так много можем, мама, но пригреем самого серого из котов.

На другом узле – солнце давит на землянику
между шпалами узкоколейки, обрезанной в тупике.
Там сторожка, в которую ходят разбитые проводницы,
а потом вылетают, как лимонницы, налегке.
Колоски под горячей насыпью качаются и смеются,
собираю ягоды, наклоняюсь к красным запекшимся головам,
прихожу домой, высыпаю добычу в блюда,
за окном государство трещит по швам.

А потом был снег. Нет, не так. Снега еще в помине...
Снова рыжее, да. В корзинах грибы несут.
Наклоняется лес, как пламя в чужом камине.
Мы кота, прожившего (три-пять-девять), закапываем в лесу.
А потом понеслось: земля-лопаты, земля-лопаты,
у земли и железа горький и кисловатый вкус.
Узлы в памяти проседают – ни бросить, ни раскопать их,
всем досталось, тебе и мне, от горечи по куску.

Но смотри – вот вокзал. И тела жирафы – тугие краны.
Вот зима. С белых начнем страниц.
И мы едем-едем на полках в чужие страны
посмотреть на башни, на горы, на высохших проводниц.
Вот сторожки. Кино. Пружинят виолончели.
Поцелуй, как море, волнами поцелуй.
Вот Юпитер. Вот Венера от Боттичелли.
Вот пропели на венчании «аллилуйя»...

После узел-зима. Перелески – как вмерзшие в лед составы.
Бросить землю. Там мама. Просто выпустить из горсти.
Минус 35. Холод ввязывается в суставы.
На оградку денег не получается наскрести.
Паутина на окнах в прошлое. Рельсы-шпалы.
Рельсы-рельсы. Поедьте в город L.
Проводницы поезд взяли да и проспали.
Машинист дорогу выучить не сумел.

Много нестыковок, «заусениц» и «задиров», за которые цепляешься, и которые
выдергивают из потока стиха, и это раздражает.
«Узел в памяти был, как железнодорожный» - этот «как» здесь просто убивает.

Несмотря на знаки препинания, из раза в раз у меня читается: «окруженный таксистами, желтой кленовой дрожью, оброненный в жизнь котенок под креслами замерзал» - настолько «окруженный таксистами» отторгается от оригинального и перспективного образа пересыхающего вокзала. «Обнимает сильно» - так по детски. «Но пригреем самого серого из котов» - необъяснимо сильно для меня, настолько сильно, что вытягивает всю строфу. Опять мелкие нестыковки и слова выпадающие из общего стиля текста. «солнце давит на землянику» - что здесь делает этот глагол? «узкоколейки, обрезанной в тупике» - а что делает тут столь двусмысленное причастие? Фрагмент про сторожку и разбитых проводниц отдельный разговор – рамок короткого обзора тут не хватит. Такое впечатление, что надо чуть поправить (возможно «разбитые», но только не на «разбитные»), и образ волшебной сторожки, после посещения которой усталые проводницы превращаются в «лимонниц налегке», превратится в благородный цитрин в оправе этого текста. Хорош и следующий фрагмент про землянику. Не вижу в принципе предмета для критики автора по части «места произрастания и сбора» земляники, читайте внимательнее текст: «Колоски под горячей насыпью качаются и смеются, собираю ягоды...» - никто между шпал ягоду не собирает у автора, ЛГ ее собирает под насыпью – на границе наваленного человеком щебня и естественной среды обитания, где ягода быстрее спеет и особенно вкусна, вообще заметил, что земляника и клубника любят каменистые почвы, недаром размножаются усами. А вот завершающая строка строфы – просто провал. «за окном государство трещит по швам» - зачем здесь об этом? Кроме всего прочего, эта фраз еще заставляет меня лично задаваться ненужными вопросами: это когда было, сколько примерно лет ЛГ в момент описываемых им событий, и в момент описания этих событий и т.д. Если это начало 90-х, и ЛГ на тот момент – лет 12-15, то сейчас – около 40. Рановато для такого фрагментарного характера воспоминаний.

Третья строфа получилась более ровной. Нет совсем уж выпирающих из стилистики вкраплений, хотя рыжие грибы – какая-то пустяковина, на фоне остального текста, в отличие от выписанной земляники. «Наклоняется лес, как пламя в чужом камине» - опять глагол не отсюда, и чем отличается наклон пламени в чужом камине от собственного? «У земли и железа горький и кисловатый вкус» - если соответственно: земля – горький, железо – кисловатый, то соглашусь, но выписывать это надо как-то иначе. А если подразумевается, что вкус одинаковый, то это очень узко. Четвертая строфа показалась самой слабой. «Но смотри – вот вокзал» - заглавное «но» просто требует объяснить свое появление, что чему противопоставляет автор/ЛГ? «И тела жирафы – тугие краны» - вроде символизм, но какой-то кособокий. Привычно сравнивают краны и шеи жирафов, а тут «тела». Да еще краны – тугие. А это определение не вяжется с ажурной конструкцией кранов и ассоциативно уводит к кранам водопроводным, чего совершенно не нужно. «Вот зима» - опять «вот» - в соседних строках. А потом опять про проводниц и сторожку – просто заколдованное место. Рифма «поцелуй-аллилуйя» - спорная, особенно в таком порядке, когда неоднородность размера попадает на финал строки и строфы. Если уж автору так дорога эта пара, «спрячьте» неоднородность в середину, сделайте «аллилуйя-поцелуй». Пятая строфа лучше. Но «После узел-зима» звучит как дежавю после «Вот зима» четвертой строфы, еще и потерявшееся тире добавляет фразе неказистости. «Холод ввязывается в суставы» - вновь глагол не отсюда. Финал разочаровал. Сначала

обращение в никуда - «Поедёмте в город L». Хотя вариант «Рельсы, рельсы, поедёмте в город L» просто очевиден для читателя. Но это мелочь, которую поправить легко и можно даже принять, а вот две финальные строки – просто убивают текст для меня, как читателя. Но даже несмотря на это, стихотворение притягивает, заставляет обратить на себя внимание. Из тех авторов, творчество которых я немного знаю, этот текст могла бы написать Люба Бурель – и технические моменты похожи, и та детская непосредственность формулировок, которая воспринимается иногда как неточность и даже неказистость, по сути не являясь ею.

29. ЛИСТЬЯ

Автотрасса А2 – мой рутинный маршрут.
Мчит авто, разогнавшись до сотни.
Слева сосны и ели дремуче растут,
справа высятся ели и сосны.

Лес на море похож. Неогляден, глубок,
в нём вздымаются хвойные волны.
Только роща одна – небольшой островок –
нарушает всевластие хвойных.

С октября там деревья меняют цвета.
Колоритно, но дело не в этом.
Меж ветвей неуклонно растёт пустота,
расширяя и множа просветы.

С каждым днём набирается силы она,
становясь всё яснее и шире.
И подумалось мне: а не так ли у нас –
у людей, в человеческом мире?

Осыпаются листья друзей и родни,
облетают надежды и планы,
словно ветром, срываются ночи и дни
и, кружась, опускаются плавно.

А когда до конца оборвёт листвою
эти листья, то сетуй – не сетуй,
свет обрушится, нас заполняя собой –
так органный прибой затопляет собор.
И не скрыться от этого света.

Интересный текст. Очень ровный, техничный. Пожалуй, только два момента я бы поправил. В самом начале - «Автотрасса А2 – мой рутинный маршрут. Мчит авто...» - убрать бы этот повтор авто-авто. И такой же, только более явный, повтор в конце - «оборвёт листвою эти листья». Тема, конечно известная, и сравнение жизни с листьями

– не новость в поэзии, но вот реализация этой идеи достаточно оригинальна. Увы, одна единственная ошибка, разрушает всю гармонию этого текста. Я уже писал об этом в комментариях. Ошибка в том, что наша личная осень - не есть осень в целом. Автор урезает нашу жизнь до наших предков, максимум - сверстников. А как же наши дети? Внуки? Ученики? Последователи? Одни уже распустились, другие только-только проклюнулись. Да, кто-то уже пожух и вообще облетел. Но семья, нация, цивилизация - вечнозелены, как хвойные.

34. АЛТАРИ

Жизнь остаётся записью в дневнике –
Если ты вёл дневник, разгильдяй и лодырь.
Жизнь остаётся оттиском на песке.
Лижут песок, на берег вползая, годы
И намывают – только бери, бери! –
Осени ранней тёплые янтари.

Глянешь сквозь них на солнышко, а потом
Слушай кукушку: дурочка врёт неплохо...
Жизнь остаётся между страниц листом –
Красным кленовым или дубовым (охра).
Сами страницы, господи, посмотри –
Чёрные ветки, белые январь.

Что же, ещё поживём, и не год, тьфу-тьфу, –
Ныне и присно и (не вопрос) вовеки...
Жизнь остаётся курткой в твоём шкафу.
Пара монет в карманах, билеты, чеки.
Чушь, понимаю. Глупость? – не говори.
Мелочи... Мелочи? – Боже мой, алтари...

Достойный финала текст. Пожалуй, при ближайшем рассмотрении мне видится не самым удачным сравнение годы-волны. Волна за волной – это да, но прежде чем приходит следующая волна, предыдущая – уходит. Видимо, имеется в виду некая цикличность, но автор оставляет этот момент на усмотрение читателя.

Фраза «Слушай кукушку: дурочка врёт неплохо» на слух, как ни крути, воспринимается как «Слушай кукушку, дурочка: врёт неплохо» - хотя, для меня это ничуть не портит текст, скорее делает его честнее, самоироничнее. А так – легко валить на птицу свои заблуждения.

«Сами страницы, господи, посмотри» – сомневаюсь в необходимости такой экзальтации в этой строфе, но об этом чуть позже. «Чёрные ветки, белые январь» - чего-то мне в этом образе не хватает, слишком оторваны друг от друга сравнения: ветки - со строками, а листы книги – с календарным месяцем.

Финал понравился, но «Боже мой, алтари...» было бы куда эффектнее, если бы прием не был «отыгран» на предыдущей строфе.

Из знакомых мне авторов, этот текст мне напомнил творчество Лилии Тухватуллиной.

37. ШИПОВНИК

Это твой маленький мир. Здесь твои порядки:
Дерево не обидь, не убей жука.
Розовым вспыхнул шиповник, и что-то сладкое
Медленно зреет в прозрачных его цветках.

Солнце так низко, что листья ржавеют жесткие.
Словно живые, ложатся они у ног.
Мне говорили, здесь много птиц: голубых и желтых.
Я насчитала четырнадцать. Не досчиталась одной.

Десять шагов - и уткнуться в горячее дерево.
Остро – спиною в изломанную кору.
Видишь, земля еще носит меня и держит.
То, что болит по ночам, утихает к утру.

Знаешь, какое во мне поселилось молчание.
В горле не колетса, не обжигает щек.
Как тишину одичавшую приручаю.
Сколько тепла между пальцев моих течет.

Это десятое лето. Седьмое облако.
Отяжелело молочно, внутри - пустое.
Дерево, девочка, облако моё, олово...
Старый шиповник сбрасывает листок.

Первая строфа удалась. А вот во второй появились вопросы. Сначала листья награждаются эпитетом «жесткие» - неужели, только в угоду рифме? И тут же следует еще одна спорная сентенция - «Словно живые, ложатся они у ног». Если автор имеет в виду, что листья шиповника «поржавели» стали жесткими и опали, то сравнение «словно живые» просто противоречит нарисованной картине. Вторую половину строфы мне оценить трудно. С точки зрения арифметики пример четырнадцать плюс один равно много вызывает улыбку. Тайный смысл эквилибристики числами и цветом птиц для меня не раскрылся.

Третья строфа понравилась за исключением нестыковки «уткнуться... спиною...», что для меня является чистым алогизмом, поскольку «уткнуться» устойчиво ассоциируется с лицом. Жаль, поскольку сама идея мне очень близка. Когда я бываю в лесу, обязательно немного времени уделяю тому, чтобы «пообниматься» с деревьями. Меня этому научила младшая дочь. Спасибо ей.

Четвертая строфа, несмотря на отрывочность образов и отсутствие озвученной связи между ними, понравилась – мне в этом случае даже импонирует такое исполнение. Финальная строфа опять поднимает тему нумерологии. Как воспринимать ее, не понимая природы этого авторского решения? Не знаю. Если автор вложил в это какие-то свои жизненные вехи – метки, то текст получился слишком личным, если же нет, то получается не обремененная смыслом эквилибристика числами. «Дерево,

девочка, облако моё, олово...» - обращение мне не удалось расшифровать. Финальная строка «Старый шиповник сбрасывает листок» была бы хороша, если бы не... Если бы этот процесс уже не был описан во второй строфе. И если бы был как-то объясним эпитет «старый», который меня лично утаскивает в глубочайшее детство к бессмертным строкам «с нами старый скворушка до весны прощается».

50. НЕ НАВСЕГДА

Она верит:

Летать – это очень просто, главное – окрылиться.

Какое дело пространству, что ты не птица?

Время вон тоже не птица, а летит, летит же!

Марк небесный свод тушует немного ниже:

всё безопасней в тенётах его качаться...

– Марк, а ты мог бы нарисовать счастье,
дерзкое, бесшабашное!?

Над замыслом покумекав,

мог бы, говорит Марк, и рисует летящего человека.

Она смеётся:

Держи меня за руку, как за нитку воздушный шарик!

Здесь всюду небо, и ветер шершавый шарит,
а солнце к закату стынет и будто вянет...

И мы парим – над розовыми церквями,
зелёными кронами, домиками, скрипачами!

Она вздыхает:

Марк, а ты мог бы нарисовать отчаяние,

лёгкое, как воздух, пронзительное, как булыжник - в реку?

Мог бы, говорит Марк, и рисует

Летящего

человека...

Она плачет:

Марк, но ведь летать – это счастье, да?!!!

Да, говорит Марк. Если не навсегда...

Пока это мой фаворит. Мне кажется, я узнал этого автора почти сразу. По той легкости, с которой я поверил ЛГ, с которой в меня вошли образы, с которой я готов закрыть глаза на какие-то мелкие недочеты.

Вот фраза «Марк небесный свод тушует немного ниже: всё безопасней в тенётах его качаться» - при первом прочтении, еще не понимая сюжета, подумал, что Марк – описка, а должно быть мрак, но быстро сообразил, что разговоры с Мраком – немного другая тема. Это казус со мной лично, а вот - «тенета» это серьезнее. Это же ловчая сеть или паутина, как это вяжется с понятием «безопасности», с понятием «счастье полета»?

Сложно ответить. Возможно, автор мне потом объяснит.

Или вот - «И мы парим – над розовыми церквями, зелёными кронами, домиками, скрипачами!» - понятно, что речь о закате, отсюда и розовые церкви, но... как человек занимающийся фотографией с середины 70-х уверяю вас, что зелёный цвет при таких условиях освещения исчезает, становится черным, поскольку розово-красный для него является дополнительным. Отсюда и эффект усиления контрастности лесного пейзажа на закате. Тут надо смотреть, а что у Шагала? Любое произведение искусства предполагает авторские допущения. И тут же сущий пустяк – «отсвет» зелёных крон на следующих за ними «бесцветных» домиках и скрипачах.

А финал – просто находка, удача. Грех завидовать удаче и пытаться объяснить ее хитростью и изворотливостью автора. Шагал со своей картиной, в данном тексте – лишь фон и декорация... Эвон, как я загнул... Хорошо, это повод поговорить на «больную» тему.

Я плохой «физиономист», но мне хочется, чтобы я угадал автора. Рискну предположить, что это Елена Асенчик, ее поэзия полна искренности. Редкий случай, когда я верю человеку-поэту больше, чем себе. Но, если я ошибся, то все равно не буду в проигрыше: значит, у меня появился еще один «мой» автор.

54. ПАПЕ

Расплескалось детство рекой молочной. Понедельник – манный, четверг – творожный. Не разбить бы то, что и так непрочное, не спугнуть движеньем неосторожным. – Было, папа! – Санки. – Нале-направо! И об лёд – на выдохе! Больно-больно! Всё проходит, но остаётся право мерить время с собственной колокольни.

Ты в меня не верил. Горел, как факел. И тогда... меня «пробирало» тоже. Мы взрывные оба (порой – до «драки»). И вздыхала мама: «Как вы похожи!»...

Помнишь, папа? – Мир в одночасье рухнул. Мы на людях оба держались прямо. А потом ревели с тобой на кухне до утра, вдвоём, поминая маму...

«Отказало сердце...», «сгорел от нервов...» –
что слова? – Сквозняк из открытой двери.
Первый день – без тебя, первый август, первый...
До сих пор никак не могу поверить!
Так бывает – корни срослись друг с другом.
Оторвёт и... – в бездну! – Слепым маршрутом!

...мир лупил мне в спину волной упругой, трепетал под куполом парашюта. Шёл АН-2 на взлёт. Остро пахло ветром. – Этот чёртов ветер всю душу выжиг! И синели тысяча триста метров от броска «Пошёл!» до команды «Выжить!», – стиснув зубы, молча – без лишних стонов.

– Упаси ты, Господи, от бессилья!
Если горе – море, то в нём не тонут,
сквозь него проходят, ломая крылья.

Отпустило, будто во тьме крошечной
прочиталось кожей: «Вставай... и – дальше!».
– Ты мне снишься, папка, родной и здешний,
но... в меня не верящий, как и раньше.

У меня всё та же – своя – дорога,
даже если камнем лежу на дне я.
Верю, папа, верю – тебе и Богу.
И опять встаю, становясь сильнее.

Душевно. У женщин будет иметь успех. Автор, вероятнее всего тоже женщина. По оценке текста промолчу – совсем не мое: по раскрытию темы, по экзальтации, по некоторым образам. Достаточно нескольких моментов. «Ты в меня не верил. Горел, как факел.» - связь между предложениями даже не угадывается, но это мелочь. «А потом ревели с тобой на кухне до утра» - мужчины не ревут в том контексте, в котором упоминает это автор. Да, они ревут иногда от боли, как звери, но недолго, долго невозможно, а тут - до утра. «Слепым маршрутом» - не к месту, этот термин об обычных маршрутах, но для слепых, незрячих людей. А когда «оторвет... - и в бездну» - маршрут прямой. «Мир лупил мне в спину волной упругой, трепетал под куполом парашюта. Шёл АН-2 на взлёт...» - ветер уже трепещет купол парашюта, а АН-2 еще только идет на взлет. «... от броска «Пошёл!» до команды «Выжить!»» - знаком со многими ребятами, кто «синевой наполнял парашюты», сам увлекался авиацией и срочную служил в авиации, но не прыгал, врать не буду. Не слышал про «бросок «Пошел»». Есть команда «пошел», есть хлопок по спине «пошел», есть толчок в спину «пошел», есть даже пинок пониже спины «пошел», а о броске не слышал. Опять же команда «Выжить!» - это о чем? Не намек ли это на боевые действия? У меня есть серьезные сомнения о применении Ан-2 в боевых действиях для десантирования. Если только какая-то уникальная операция. Если меня просветят, буду благодарен. «Если горе – море, то в нём не тонут, сквозь него проходят, ломая крылья» - безапелляционное утверждение про «крылья», противоречащее самой идее произведения. Мои извинения автору и почитателям: ни с первого прочтения, ни с десятого – не верю.

58. ЖАЖДА

Без трех ударов небожитель,
я ухожу, и не божитесь,
что лучше мира не найти,
чем тот, где штопают, не зная,
что часто рана не сквозная,
и остаются в ней пути.

Разбег и взлет мой прозевали,
и ваше вялое "жива ли?"
лишь горячит моих коней,
но чем быстрее от вас бегу я,
тем, тело штампами шпигуя,

вы душу держите сильней.

Не замечая, что живая,
так плотно к телу пришивая,
твердите ей: "Не умирай!",
что формалин в молитвах чуя,
не преисполниться хочу я,
а перелиться через край.

Из кожи вон летим на свет мы,
но так спасители несметны,
и так попутчики редки,
что в страхе топчемся у края,
то жестче перья выбирая,
то эластичнее стежки.

Любую куклу ждет коробка,
но первый ком ложится робко,
скребется, шепчет: "Что внутри?
А вдруг не только прах и тлен там?"
И жаждет истина момента,
а взгляд – прозрачности витрин.

Питаю симпатию к качественным текстам с относительно короткими и длинными строками: и там, и там требуется недюжинное умение работать со словом. «что часто рана не сквозная, и остаются в ней пути» - жертва смыслом в пользу выдерживания схемы и размера. Пути в ране не самая удачная формулировка мысли. Путь может быть у поражающего элемента, уж простите за наукообразие – пули, осколка, шпаги и т.д. И рана – не всегда путь, это скорее след. Жаль, потому что строфа в остальном очень понравилась.

Вторая строфа видится слабее. Рассуждения более общие, отвлеченные. Безобидное «жива ли?» при чтении неуклонно превращается в «жевали», особенно с учетом определения «вялое». «Тем, тело штампами шпигуя» - фонетика «штампами» оставляет желать лучшего, само сочетание «штампами шпигуя» - для меня спорно, да еще инверсия с вынесением «тем» в начало конструкции, даже при не первом прочтении сбивает на вопрос «чем, тем?»

А вот третье четверостишие, с последней строкой второй строфы – это сильно, это мастерски – балансируя на острие сюжета, не свалиться в пропасть смысла, погнавшись за сохранением схемы, акцентов, размера, и не соскользнуть в другую сторону, пытаюсь сохранить смысл, сбиться в самом ненужном месте.

Четвертая строфа чуть слабее – и общий уровень и ее финал – «то жестче перья выбирая, то эластичнее стежки». Как-то этот момент больше на шопинг похож, но... попробую еще вчитаться.

Финальная строфа чуть не дотягивает до третьей. Не совсем «вписывается» на мой читательский вкус первая строка «Любую куклу ждет коробка». В смысле – слепили тело, все пришили, вложили душу, не вложили – путь тот же: коробка, витрина, «купи»?

Или наигрались и бросили в коробку? Или выбросили? Но тогда – «помойка», мусорный бак. Дальше - «первый ком ложится робко, скребется, шепчет: «Что внутри?» - неужели уже первый ком скребется и шепчет? Может, в душе создателя куклы, что-то скребется и шепчет? Нет? И финальный момент «прозрачности витрин» - тут рифма и размер вынудили автора (ИМХО) пожертвовать многим. Поскольку «прозрачность» витрин, ассоциируется с рекламой, с торговлей – а это, далеко не лучшая характеристика для прозрачности взгляда.

60. АРТЕФАКТ

...и нашёл Ваня во поле артефакт,
то ли хрен-разберёшь, то ли чёрт-те-чё,
вроде камень как камень, тяжёл, покат,
вроде чёрен снаружи, снутри – печёт.

Он, согревшись теплом, воротился в дом,
стал тот камень чудной так и сяк вертеть.
Почесавши в затылке, постиг с трудом:
жизнь – внутри у него, а снаружи – смерть.

Он тот камень пытал топором-пилой
(а ему говорили: «Семь раз отмерь!»)
поливал самогоном, крутил юлой.
Жизнь – внутри у него, а снаружи – смерть.

Он потом попытался его продать,
но не греет других, в их руках – как лёд.
Для него предназначен судьбой, видать,
посторонних не трогает, не берёт.

А когда за Ванюшей пришла она,
в балахоне, как водится, и с косой,
он, взяв камешек, выпрыгнул из окна
и поплёлся за ней по росе босой.

Страх ко страху, вестимо, ко праху прах,
что ж теперь голосить, поносить судьбу.
Положили тот камень в его ногах –
так ему и поныне тепло в гробу.

Любопытный текст. «... и...» - для начала я бы поменял на более значимое для этого жанра «Раз», если уж «Как» теперь считается неблагозвучным. «вроде камень как камень, тяжёл, покат, вроде чёрен снаружи, снутри – печёт» - по знакам препинания получается, что «снутри – печет» - признак того, что «камень как камень». Тут бы «а», «но» или хоть «да», чтоб показать, что камень то непрост. А в целом, для завязки – вполне.

Вторая строфа - на том же уровне, разве что «почесавши в затылке» - то ли о Ване, то ли о камне. Да зачем-то меняется говор: в первой строфе «снутри», а дальше – «внутри». Интересный момент – полурефрен последней строки первой строфы с инверсией повторяющейся части. Я уж было вообразил, что так дальше и пойдет черезстрофное чередование рефренов, но, увы – в третьей строфе автор использовал полный рефрен последней строки второй строфы, а дальше – бросил эту затею. Жаль. Получилось с формой – «то ли хрен-разберёшь, то ли чёрт-те-чё».

Сама по себе, третья строфа развивает действие второй, частично повторяя ее смысл. Четвертая строфа в рамках выбранной стилистики неплохо развивает сюжет, а вот переход к пятой обнажает сюжетный разрыв. То ли тут еще пару строф автор удалил «к чертовой матери, не дожидаясь перитонита» (с), то ли решил не искушать судьбу в поисках достойного перехода к финалу и решил просто избавиться от Вани. Действо пятой и шестой строфы оценивать не берусь – притча она и есть притча. Так вот всю жизнь стремишься к чему-то, кажется «жизнь – внутри у него, а снаружи – смерть», носишься с этим, нянчишься, а потом двинешь кони, а оно тебе и даром, оказывается, все не нать, что Ване в гробу ноги греть.

62. ПЕОН ТРЕТИЙ

ветер гонит облетевшую листву и
то разбрасывает, то сгребаёт в ворох.
если я на самом деле существую
в отражённом свете тех, кому я дорог,
бледной тенью в их сиянии и блеске,
будто на сетчатке глаз пятно слепое,
значит, проводы друзей, родных и близких –
бесконечное прощание с собою.

Вроде все просто: две строки для создания требуемого настроения у читателя, и одно предложение на шесть строк с главной мыслью. И мысль должна быть такой же печальной. Ан, нет... А мысль то – страшная... Такая тихая печальная жестокость. Дорог же ЛГ своим близким – так и написано, и он об этом знает. А печалится о себе, а не об их уходе... Неудачник, маленький человек, считающий себя недооцененным - вот он как отвечает на любовь «друзей, родных и близких». Или пытается привлечь к себе дополнительное внимание? Это у ЛГ – «на сетчатке глаз пятно слепое». Или ничего такого нет, и все это – мое воспаленное воображение? Решать читателям.

91. РЮГЕН

Отпустить врага. Не грустить о друге.
Отослать открытку себе в июль.
Просто бросить всё, укатить на Рюген –
это будет лучше любых пилюль.

Просто слишком часто и слишком остро
сквозь пергамент сердца растут слова.

На земле, где каждый другому – остров,
иногда спасают лишь острова,

где пейзаж суровой печалью вышит,
где границы смазаны вдалеке.
Море так шумит, что никто не слышит,
на каком ты молишься языке,

на каком наречии ждёшь ответа,
ищешь знака, слабость переборов.
Исцеляя душу холодным светом,
понимаешь: понят. Без всяких слов.

И глотаешь воздух жемчужно-серый,
перейдя на точки и на тире.
А слова, срываясь, плывут на север,
застывая змейками в янтаре.

Одно из стихотворений, которое зацепило и держит, несмотря на шероховатости. Вот, «просто» в первой строфе – как обобщение того, что нужно бы сделать, чтобы привести мысли в порядок и душу. Есть люди, которые любят время от времени наводить порядок на столе, в квартире, на даче, а есть те, кому периодически необходимо приводить в порядок сумбур своей души. Первая строфа – один из таких рецептов. Вопросов нет. Но через строчку снова «просто», но уже в другом смысле – объяснение причин. Но читатель, переходя от первой строфы ко второй, будет спотыкаться об это «просто» каждый раз, недоумевая, зачем еще раз что-то обобщать? Далее образ, который вызвал определенные споры в комментариях – «слишком часто и слишком остро сквозь пергамент сердца растут слова». Думаю, «пергамент сердца» интересный образ, но не все читатели его поймут. Я вижу в этом два аспекта: первый – возраст – тонкий хрупкий пергамент - тысячи лет ему. Гипербола? Конечно. На мой взгляд, вполне уместная и удачная. Второй – слова на пергаменте – написанные когда-то и кем-то, и не вспомнить уже, когда и кем. А жизнь продолжает добавлять письма. И как одуванчики сквозь асфальт, некоторые слова начинают прорасти сквозь пергамент сердца. Те, кто утверждает, что раз что-то сквозь сердце прорастает, значит, оно уже мертво – случайно или намеренно заужают образ. Если цветы растут сквозь асфальт, это не значит, что земля под ним (асфальтом) мертва. Она жива как раз. Так и тут - снаружи сердце огрубело, обветшало, но внутри – живое! Потому и «остро», когда слова прорастают.

Дальше все вплоть до финала исполнено очень качественно и искренне. В финале не до конца раскрылась фраза «перейдя на точки и на тире». Особенно, рядом с явным украшательством «жемчужно-серый», которое не очень-то смотрится на фоне суровой стилистики текста. Зато очень точно выписана сущность человека: вроде «понимаешь: понят. Без всяких слов», но нам надо выговориться, и «слова, срываясь, плывут на север».

96. КОФЕЙНЯ НА УЛИЦЕ КЛЮЮВИ

Все задачи решатся, исчезнут вопросы,
Мне однажды наскучит пустыми словами играть.
В этот день я, наверно, покину Васильевский остров
И в кофейню на улице Ключюви приду умирать.

Рано утром в кофейне обычно немного народа:
Пара заспанных шведов, старушка одна или две.
Там писатель старинный стоит, как швейцар, возле входа,
И печальная птица всегда на его голове.

Запах кофе смешался в то утро с твоим ароматом.
Мы в кофейню зашли и читали друг другу стихи.
О, мой Бог, как хотелось остаться с тобой навсегда там.
И не надо ни Рыбного рынка, ни местной ухи.

"Лошадка Фегеляйн
Резвится у пруда.
Собачек нежный лай
Доносится туда.

Пичужка Нахтигаль
Поёт "чирик-чирик".
Грызёт ржаной сухарь
На лавочке старик".

Та кофейня была для меня как преддверие рая.
Нас с тобой разделяло всего лишь пространство стола.
А потом зазвонил телефон. Ты вздохнула: "Меня вызывают.
Мне сказали, что надо идти". Поднялась и ушла.

Позабыв со стихами тетрадку, я выскочил на Эспланаду,
Как собака на запах бросался туда и сюда.
Но писатель и птица сказали: "Не бегай, не надо.
Всё ушло в никогда, всё ушло в никогда".

И потом много лет горевал оттого, что тогда я
Не успел дочитать тебе стих про гортензиевый сад.
Мне б ещё пять минут, но теперь-то я знаю,
Ты уже никогда не вернёшься назад.

В ту кофейню, где дни и минуты навечно застыли,
Рано утром в преддверие рая приду умирать
И почувствую твой аромат от Марии Кандиды Джентиле,
И найду на столе со стихами тетрадь.

"Бенгальский тигр Антон

Свиреп и полосат.
Неслышно входит он
В гортензиевый сад.

Зрачков холодных сталь,
Рычание и крик.
Прощайте, Нахтигаль,
Лошадка и старик".

Форменное хулиганство, я вам скажу. Что за эксгибиционизм такой – намеренно умирать на глазах у публики? Впрочем, романский размер и явно оформленные припевы, подсказывают, что это типичное произведение в рамках жанра – никто никуда не поедет умирать. Не считаете же вы, что Аркаша Северный, исполняя свой незабвенный романс со словами «Перспектива на жизнь очень мрачная. Я решу наболевший вопрос – я погибну под поездом дачным, улыбаясь промеж колес», и впрямь собирался в Анапу, чтобы сунуть голову под электричку? Зато барышня, услышав такие строки, не сможет удержаться, и подарит ЛГ, хотя бы, еще одну встречу. А там уж он не упустит свой шанс, как в прошлый раз... Ну, это он так думает, а жизнь покажет. Что меня еще подтолкнуло к хулиганскому отчасти прочтению текста? Ну не будет же всерьез джентльмен в стихах, адресованных даме, писать такое: «О, мой Бог, как хотелось остаться с тобой навсегда там. И не надо ни Рыбного рынка, ни местной ухи». И этот, простите, ненатуральный, кукольный садизм в финале.

Если говорить о тексте, то выполнен он в основном очень качественно. Немного затруднено звукоизвлечение, но это дело привычки. Пожалуй, фрагмент «Ты вздохнула: "Меня вызывают.

Мне сказали, что надо идти". Поднялась и ушла.» - слегка недоработан. Во-первых, вторая часть прямой речи сама по себе неказиста, словно на чужом языке. Во-вторых, она, по сути, повторяет смысл первой части. Но это решить проще простого такому квалифицированному автору.

112. ОЗЕРО

У подножья горы, где маяк наблюдает за бухтой,
Где как будто прибоем на склон занесло незабудки –
но, ей-богу, не знаю, откуда настурции тут –
в этих райских местах, где в воде отражается берег,
меж прибрежных камней обитают жуки-скарабеи –
это озеро Мичиган, Чад или, может быть, Тун;

вот туда, в те края, иногда я в моменты печали
отправляюсь ночами – иду по пустому причалу
и смотрю на мерцанье далёких озёрных огней,
на блестящих в свечении лунном в камнях скарабеев,
на маяк, прорезающий полночь прожектором белым,
на чернильную гладкую воду и звёзды на дне...

Я давно это озеро знаю в мельчайших деталях –
от каскадов плакучих ракит в предзакатной потали
до названий притихших причаленных лодок и яхт –
с панорамой размытой в тенях и оттенках бесцветных,
так похожей на сон в меланхолии лунного света,
что иллюзией кажется ночь, и вода, и маяк;

здесь с такой остротой ощущаешь свою одинокость,
безвозвратность потерь – тёплый ветер озёрный доносит
дальний звон, горький запах полыни, шуршание листвы –
для чего ты всё так, как случилось, о Господи, сделал?
Уплывают во тьму к молчаливым лугам асфodelей
незабудки и россыпь настурций и трав полевых...

Мне нельзя здесь бывать – этот воздух для психики вреден,
я болею потом, но проходит какое-то время,
и опять я, ругая себя, возвращаюсь сюда
непонятно зачем – мне совсем не становится легче,
пустоту и тоску ни вино и ни время не лечит,
ни маяк в темноте, ни воды бесконечной слюда...

Опрокинуто звёздное небо в безмолвную заводь,
вдалеке в лунном свете мелькают огни, ускользая –
то ли духи озёрные, то ль караван кораблей –
между тем перспектива бледнеет, тускнеет пространство,
распадаясь на зыбкое множество пятен абстрактных,
растворяется фата-моргана и тает во мгле...

Возвращаюсь под утро домой, по дороге замёрзнув,
наливаю вино в тишине беспросветной и мёртвой,
пью, грущу, вспоминаю – и видится в красном вине
карусель огоньков в блеске граней... Господь милосердный,
пусть реальность моя будет тягостной, скудной и серой,
но пусть будет всегда это лунное озеро в ней...

Заметный текст, реализованный на стыке прозы и поэзии. Такое впечатление, что автор любит жанр современной сказки – фэнтези, но попытался в тексте смягчить этот момент. Не везде ему это удалось. Если подходить к сюжету строго, то вот что у нас получается. Дважды упоминаемые «жуки-скарабей» не встречаются в западном полушарии и Австралии. То есть, это не озеро Мичиган. Тем более, что это равнинное озеро. Дальше – автор упоминает ракиты, которые преимущественно растут в северных широтах, лишь немногие обосновались в тропиках, а озеро Чад — вообще экваториальный пояс и еще более равнинный ландшафт – то есть тоже отпадает. Остается «может быть, Тун». Может быть. Умеренный климат. Горы. Большое озеро. С маяком не знаю... Не удалось найти следы в относительно короткие сроки. Есть один судоходный маршрут, но «караван кораблей» - это что-то или из прошлого, или из

области фантазии. «Незабудки» - ничего нам не дают. «... Откуда настурции тут» - странный вопрос – в Европу их завезли в 17 веке, у половины горожан в садиках она растет и в оформлении улиц часто используется. Зато фраза - «к молчаливым лугам асфodelей» окончательно разрушает реальность картины, поскольку это растение облюбовало Средиземноморье и в горной умеренной Швейцарии не растет. Ну, несколько цветов в саду – возможно, но луга... Вот тут мы окончательно должны признать, что озеро это существует не в этом мире, а в каком-то другом, например, в фантазии ЛГ. Зачем так долго? Чтобы успокоить еще более дотошных формалистов. Говоря же о фантазиях, признаюсь, написано по большей части вкусно, сочно, роскошно. Местами автор вынужден заполнять просторы длинных строк «подручным поэтическим материалом», но даже это исполняет профессионально. Увы, размеры холста заставляют вольно или невольно повторяться. Но... Что сильнее всего топорщит местами текст?

Самое узкое место – «Уплывают во тьму к молчаливым лугам асфodelей незабудки и россыпь настурций и трав полевых...». Во-первых, соседство несовместимых образов: «незабудки» и «асфodelии» - первые олицетворяют незабвенность, а вторые – забвенье. Поэтому «незабудки и патриотизм, уплывающие в забвенье» - не тот образ, который хотелось бы прочесть в таком тонком душевном тексте... Может быть, автор в этом смысле сетует «... Откуда настурции тут»? Тогда ему и в чувстве юмора не откажешь. Во-вторых, это «и трав полевых». Повтор «и» на таком коротком отрезке повествование и объединение через «и» конкретной травы и травы в целом мешает наслаждаться поэтикой фрагмента. Разобраться бы с этим моментом. И еще, гулять так гулять, мои дикие извинения, что лезу с глупыми советами, но в финальной строфе затесался совсем не нужный повтор «вина... вине». Автор, поищите название благородного красного вина из двух слогов, лучше французского, там ударение на последний слог, и первое «вино» назовите прямо – озвучьте так сказать ваши предпочтения.

Рискну предположить, что этот текст могла написать Ира Клеандрова, творчество которой я чуть-чуть знаю.

118. КРЕСТ

О чем, стыкуя кипарис и певг,
подумал, человек из Иудеи,
пока фуганок пел,
верстак кипел...
Отдать заказ и не коснуться денег,
забыть,
смолистых не считать стволов,
порезанных на брус и на консоли.
...вот кровь на пальцах, как же это
кровь,
чужая словно, вышла прежде боли.
А для подножья взять пьянящий кедр,
как жало гвоздь чернеет на подножье,
и шкурить, шкурить каждый сантиметр,

не для цены, а так,
во славу божью.

Однако же, какая духота,
томится человек из Иудеи.
Мерещится дорога и вода,
и голый певг, до заболони — тенью,
не ведающей места на земле,
родившейся, должно быть, прежде тела...
такой ни воплотиться, ни истлеть,
а будто чьим-то саваном задела.
И поспешает прочь
от мастерской
испуганный прообразом, идеей,
чужой и настигающей судьбой
достойный человек из Иудеи,
ремесленник, отец
и добрый сын,
поборник правоты в житейском споре.
И на ходу выкидывает клин,
откол сосны, уже пустивший корень.

Запоминающееся, психологически закрытое произведение. Для меня оно разделилось на три части. Первая — 16 начальных строк. Максимальное сосредоточение на мыслях персонажа, максимально ограниченное пространство и время. Удачный текст. Настолько удачный, что пересиливает во мне, как читателе, не особую тягу к таким темам, и досадные недоработки. Вот во второй строке «подумал» - глагол, который в русском языке ассоциируется чаще всего с коротким отрезком времени, для более длительных времен имеются формы «передумал», «раздумывал». Простое «ты думал» уже выравнивает момент. Даже, ставшую причиной нешуточной дискуссии фразу «смолистых не считать стволов, порезанных на брус и на консоли». Я долго размышлял, склоняясь то на сторону автора, то на сторону его критиков. На сегодняшний момент я пришел к выводу, что для меня, как читателя — это неудачный момент. Во-первых, и то, и другое — «брус», и соединять общее с частным через и при перечислении — не лучший ход. Во-вторых, «консоль» - от французского console, предположительно в оригинале от латинского consolari. Даже если это только предположительно, в любом случае, это «срисовано» с латыни. Но в латинском языке у римлян имелись совершенно конкретные названия для частей креста: staticulum — вертикальная стойка — дословно статуэтка, и patibulum — горизонтальная перекладина — дословно виселица. Видимо, оригинальная рифма перевесила для автора эти два возражения. Вторая часть - следующие восемь строк, расширяющие рамки и перспективы сюжета, получилась технически ровной, и держащей читателя во внимании к развитию сюжета. Наконец, завершающие 8 строк. «... чужой и настигающей судьбой» - не понял это словосочетание. Еще и с запятыми тут непонятно: «испуганный прообразом, идеей, чужой и настигающей судьбой достойный человек из Иудеи...». Читал и так, и эдак — наиболее стройным показался вариант — «испуганный прообразом, идеей чужой, и

настигаемый судьбой, достойный человек из Иудеи...», но не смею даже думать советовать что-то автору. «Поборник правоты» резануло слух, пока не могу объяснить. Ну и самый финал. «И на ходу выкидывает клин, откол сосны, уже пустивший корень». Во-первых, в безличном предложении, когда действующее лицо «отрезано» приличным фрагментом, «роль» подлежащего начинает играть первый попавшийся более-менее подходящий член предложения. Вот, и бесчинствует в этом предложении «клин», выкидывает то, что ему не положено. Во-вторых, у плотников и столяров «клин» - это конкретный инструмент – какой смысл его выкидывать? «откол» - раньше не встречал это слово в отношении дерева. Полено, щепа, лучина – продукт колки дров. Брус топором не колют, а тешут – опять щепа получается. Потом – фуганком строгают – получается стружка... Пожалуй, отколом можно назвать кусок, откалываемый при получении паза, если перекладина и основание соединяются в паз. Но это не клин, квалифицированный мастер откалывает такой фрагмент очень ровно. Да и на этом этапе изготовления никаких «корней» у мастера уже не будет, если только он «буратино» не задумал делать.

В любом случае, автора с удачным сюжетом. Если текст «шкурить, шкурить каждый сантиметр, не для цены...» то можно и реализацию приблизить к совершенству. Не могу отделаться от ощущения, что это «женская» рука, но не простая, а неплохо знающая, как пишут мужчины. Из тех, кого я знаю, это может исполнить Ира Грановская.

123. ПРОЩЕ

Что, казалось бы, может быть проще –
существуй, наслаждайся, живи,
выйди вечером в ближнюю рощу
и мгновения правды лови,
от которой в последние годы
за дверьми и замками отвык.
Убедись, что пока у природы
звукофайлом не вырван язык,
проследи не на глади кристалла,
а на зеркале сонной воды,
как пролётная стая пыталась
склюнуть зёрнышко первой звезды.
Пусть напомнит стремнина речная
суматошного времени ход,
не грусти, что вода утекает –
слава Богу, что просто течёт.
Не ищи аналогий с могилой
в каждой встреченной ямке крота,
тронь ладонью – земля не остыла,
значит, будет грибница густа,
и до первого инея смогут
прорывать толщу листьев грибы...

Не проси у Всевышнего много,
коль дозволено главное – быть.
И, казалось бы, что ещё проще,
если мысли от скверны чисты?
Только сердце по-прежнему ропщет
от такой неземной простоты.

Действительно, проще! Вот в первых восьми строках автор пытается усложнять и это меня при чтении «плющит и тарашит». Вот, «мгновения правды лови» - аж вздрогнул, неужели о политике? «от которой в последние годы за дверьми и замками отвык» - ох, не к добру это. «Убедись, что пока у природы звукофайлом не вырван язык» - точно не к добру. «проследи не на глади кристалла» - ну... И вдруг словно пали чары колдовские и с десятой строки полился мелодией стих на простом человеческом языке. И слова все обычные, знакомые, родные и расставлены не шиворот-навыворот, но так заботливо с любовью подобраны, что любоваться - не налюбоваться. Одна картина «как пролётная стая пыталась склунуть зёрнышко первой звезды» чего стоит. Два момента. «... ямке крота» - просто интересно, чем не понравилось «... норке крота»? И финал. Финал вышел простоватым и чуток пафосным, мягко говоря.

130. ХАЙМЕЛЕ

Старый двор – две минутки от Дона,
Рвет низовка с прищеп простыню,
Вдрызг разбитый улиточный домик
Оцарапал босую ступню.
Сонька Гольцман из младшего класса
Скоро вывертит дырку в земле:
«Эй, когда же на речку купаться?
Хаймеле, ну, пошли, Хаймеле!»

Дальний скрип половицы в прихожей,
На комодике стопка белья,
Губы шепчут над смуглою кожей:
«Софа, Софонька, Сонька моя».
Мир качнулся, исчез, канул в пропасть,
Ночь застыла в оконном стекле.
Лишь остался чуть слышимый голос:
«Хаймеле, мой родной, Хаймеле...»

Если б можно совсем не бояться...
Канонада, как стерва, ревет,
За спиной груз живой – ленинградцы,
Под колесами хлипенький лед –
Сортировочный пункт ада с раем.
Капля крови дрожит на руле,
Но у сердца письмо согревает:

«Хаймеле, как ты там, Хаймеле?»

Старый дом. Ветерок колобродит,
Дон блестит меж линиях портьер,
А по радио в степень возводят
Бровеносца военный шедевр.
Безнадежно болит под руками
Бледный снимок ее на столе,
И родным голоском шепчет память:
«Хаймеле, Хаймеле, Хаймеле»

Сильно. Потому что реальная сила не в крике, не в беге, не в ударе... А в молчании, в неподвижности, в сжатых кулаках, когда ногти впиваются в ладонь, даже лицо каменеет, лишь перекатываются желваки.
Да, вспоминаешь сразу «Шаганэ, ты моя Шаганэ», но почему-то нет ощущения повтора, пересказа-перепева.
Из «зацепок». «вдрызг разбитый улиточный домик» - понятно, что размер и акценты диктуют свои условия, но «вдрызг разбитый» все же не отсюда. «Канонада, как стерва, ревет» - как же так? «Остервенело» не равно «как стерва» - вот это бы поправить. «А по радио в степень возводят бровеносца военный шедевр» - неоднозначно. С одной стороны, понятна обида ветеранов, но зачем об этом в таком месте...
Что-то неуловимо знакомое исходит от этого текста, но не формируется в образ автора.

140. ГОЛОС ЗА ПРЕДПОСЛЕДНИМ КАДРОМ

1.
Толсты сугробные тома. Не дочитать до судьбы там,
Пока рифмуют нас дома с бронхитом, холодом и бытом.
Всё познается в мелочах:
Поди найди упавший ключик,
Когда фонарный свет зачах,
И электричество не включают.

В кармане прячется Платон, как будто вовсе и не друг вам.
И мир нелеп - как фельетон, рассортированный по буквам.

Что остается? Cup of tea*,
Да в гости, может быть, пойти.

2.
Допустим, так:

Пурга. Порог.
Пусть ветер - истовей и вальче.
На литературский пирок зайти в прокуренный подвальчик
И к полночи почесть за честь - своё чего-нибудь прочесть.

От рифмы плавится скрижаль. Минут по двадцать на собрата.
И, в общем, времени не жаль, но Боже мой, какая трата...

Как просто нам, покашляв глухо, друг друга слушая вполслуха,
Себя представить в «Снегирях»:
Слегка колбаской разговляясь,
Сидеть, в слова не углубляясь,
При вискаре и козырях,
Листая девочек в дверях.

3.
... а если эдак:

Пьянке - бой! (хотя и легче в декабре с ней).
Подвал покинуть. И с собой забрать кого поинтересней.
Пройтись, пока ещё в чести
Кого-то под руку вести.

Века стоят по словарю. В застройке не осталось брешей.
Натужно жмётся к фонарю необязательный приезжий.
Их много здесь таких, миног. Задорней дух, слышнее речь их,
Пока инверсиями ног штудируют фигуры речек.
Но мы на этой кривизне
Необязательны вдвойне.

4.
... а так?

Горячий термосок (не помню, Нелин или Надин).
Щебечет мёрзлый голосок.
И чёртвов ключ, конечно, найден.

Терпеть. Воспитывать стихи.
Себя раскладывать по датам.
Судьбу смягчать полусухим,
И размножаться самиздатом,
Как будто белое пятно с разводами декабрьской лютти
С утра становится окном и нас показывает людям.

Пройтись за хлебом до угла.
Задуматься. Уйти за смежный,
Где предрассветная смола вливается в рассвет кромешный.
И опершись на гранит, сверяя истину по голду,
Смотреть, как бабушка бранит слегка неловкую погоду.

5.

Столица. Дело к десяти.
Часы осваивают среду.

А впрочем, проще всё. Прости.
Пишу. Живу. Но не приеду.

Вот такой роман в стихах о пяти «томов». Хороший ход. Сюжетный разрыв между частями в таком случае даже полезен. Ну и язык, стиль изложения автора впечатляет. Есть, конечно, места, которые заставят читателя задуматься. В первой части — это фраза «И мир нелеп - как фельетон, рассортированный по буквам». Пока не складывается картинка этого образа.

Вторая часть – совершенно незнакомый мне мир и образ жизни. У меня... Нет, лучше не буду, здесь же не обо мне, а о стихотворении. В общем, здесь приходится читать, и либо верить автору, либо не верить. Вторая часть мне показалась убедительной.

А вот третья часть показалась уже более проходной. «Пьянке – бой» - странный лозунг. Хотя, это дело вкуса, другое дело стилистика. Повествование первой половины строфы идет немного развязанным почти шансонным стилем, продолжая «ауру» второй строфы. И вдруг резко переходит на «высокий штиль» еще и с примесью символизма – «века стоят по словарю». Тут же - обратно «Натужно жмётся к фонарю необязательный приезжий» - картиной, закрывающей «дырку» на поэтических «обоях». Сочетание первых двух слов несочетаемое, поскольку «натужно» в моем представлении ассоциируется с «упорно», «бессмысленно», даже «демонстративно». В общем, получается «показной испуг». «Миног» - какой-то местный жаргон? На воровском это «плеть». Других значений не знаю и не нашел. Или это в смысле «приплыли к жирной столице, присосались, и фиг отлепишь»? Но мысль уже бежит дальше - «Задорней дух, слышнее речь их», что как-то противоречит предыдущему образу с «натужно жмется». И завершение строфы – опять высоким штилем символизма.

Начало четвертой части немного напрягло. Первое четверостишие какое-то «привитое», при этом «подвой» с «ключом» взят из первой строфы. К счастью он не получил развития, и пусть с разрывом, но сюжет и слог вырвались-таки на поэтический простор. Окончание строфы порадовало, еще бы предпоследняя фраза не топорщилась этим «по голду», был бы просто – чистейший «крепдешин»!

Финал – краток, словно оркестр умолкший по мановению дирижера. На мой вкус, чуть скоростижно, и от этого неловко. Понимаю, что рано или поздно разговор, который слишком затянулся, надо заканчивать, как бы неловко ни было.

148. КРАСНЫЙ ЛЕС

ты живешь во мне.
и каждое утро подходишь к глазам
изнутри моей головы, точно к французским окнам –
чистое литое стекло разлито до самых пят,
и ты потягиваешься на цыпочках и смотришь
на едва шевелящийся зеленью водопад
нового дня,
оставаясь собою.

смотришь на знакомо незнакомый мир after-dinosaurs,
на просыпающийся в сиреневых камушках город...
я подарил тебе яркую каплю бессмертия,
впустил тебя хищной неясью
в красный лес своего сердца...

когда-то
я целовал тебя, всасывал сладкий дымок
из глиняных рожков твоей груди,
поглощал солоноватую суть
полупрозрачных ключиц и шеи,
приминал пальцами муаровое свечение
на лопатках;
я осязал твое сознание —
точно пушистый одуванчик в руке, -
и оставалось только нежно подуть тебе в глаза,
чтобы ты распушилась по спальне,
медленно закружилась тысячей и одной
ласковой лебяжьей иглой...
а потом мы засыпали, хрестоматийно обнявшись;
иногда я вздрагивал в полусне, точно холодильник,
и ты нежно гладила меня по загривку.
наша жилистая от множества проводов квартира
нуждалась в ремонте, словно бедный факир —
в новой корзине для змей-танцовщиц.
и не было у нас ни золотых рыб, ни синего моря —
лишь монументальный вид из окна
наподобие... (удалено модератором)

я был ребенком внутри корабля,
а ты была моим таинственным морем.
я боролся с дневным светом - лучами твоей свечи.
никто из нас не хотел уступать,
никто не хотел сдаваться,
проигрывать обжигающей темноте,
разрастающейся между нами.
я шептал «выкл»,
но твоя любовь мягко сияла.
ты исподволь становилась частью меня,
победоносно вкладывалась в мой мозг,
как лезвие - в перочинный нож.
как ребро, переросшее Адама...

любимая,
я стал заложником полезных привычек,
меня с годами поражает вселенский голод:

все, кого я запоминаю, становятся мною.
вот так мы находим продолжение души
в бесценном камушке, найденном на берегу моря,
в женщине, идее, дереве на горе,
в теореме, триреме, тереме,
в деревенской глуши, в дебрях науки,
в бессмертных, мерцающих садах искусства,
в крохотной теплой ладошке внука...
держи меня, соломинка, держи...

Да! Тяжело плавать в соляной кислоте... со связанными руками... Но мы не привыкли отступать. Сказать «не мое» и перелистнуть – просто. А вот поставить себя на место ЛГ, когда ты совсем не понимаешь, что тебя ждет – как прыжок на тарзанке – не расшифровывая весь букет ощущений.

«Ты живешь во мне...оставаясь собою» - главная мысль первой строфы, но и то, что заключено между началом и финалом этой мысли выписано хорошо, споткнулся только о «литое стекло разлито» - не думаю, что это троп такой в виде намеренного «масла масленого». Аллитерация: «ли-то-те-ло-ли-то» – да, но далее она не сопровождается подобными казусами. «знакомо незнакомый» - выглядит стилистически бледно на общем фоне. «впустил тебя хищной неясью» - неоднозначность, но я пока не решил, в плюс или в минус. Склоняюсь к плюсу, пожалуй, хорошая зарядка для читателя, пусть сам решит, «кто тут охотник, кто – добыча».

Вторая часть для меня сложнее, поскольку более интимна. Несмотря на диковинные, местами, для меня образы, принимаю почти все, кроме «ласковой лебяжьей иглой». Не «вкорячивается» этот образ в мое сознание, колется-царапается этой садо-мазо «иглой», этой не поэтической фонетикой «йажйэйи». «Холодильник» понравился – неожиданно и очень похоже. А вот неожиданный перескок с эротики на квартиру, требующую ремонта - спотыкает. Причем перед засыпанием стоят отточия, а тут – человека гладят «по загривку», а он – паразит – «наша жилистая от множества проводов квартира нуждалась в ремонте». «Провода» еще тут эти. Это же ретроспектива, как я понимаю... Ну какое множество проводов в застойных квартирах? Электричество – по розетке на комнату, радио на кухне, да телефон в прихожей. И опять же аллитерация не до конца обыграна. Тут бы что-то «жи-ши» с «ст». Ладно, мечтать не вредно. Окончание строфы – понравилось, жаль, модератор удалил «харизму».

Третья строфа, увы, оставила меня почти равнодушным. Получилась она проходной. Возможно из-за неразрешимого для меня, как для читателя алогизма момента «... проигрывать обжигающей темноте, разрастающейся между нами. я шептал «выкл», но твоя любовь мягко сияла». Темнота разрастается – ЛГ просит «выкл» - но любовь продолжает сиять. Когда б, сияние любимой сгущало темноту вокруг, а не меж нами, я б преклонил колени пред величием задуманного автором сюжета. «победоносно вкладывалась в мой мозг» - простите, автор, для меня как читателя, эта фраза из какого-то другого текста, даже другого автора.

Финальная строфа, начинаясь ни шатко, ни валко, довольно резво, уже к третьей строке, выходит на нужный поэтический курс и до последней строки уже не делает ни шага в сторону. Вот, совсем другой психологический портрет. Вроде опять, как в «Пеон

третий», заикленность на «я». Но как же различается характер. Думаю, близким с ЛГ живется не легко, но во всяком случае он с ними честен. По поэтике одно словечко... Эх, места в строфе уже не хватает, а так просится между «на горе» и «в теореме» - «в гареме». Да, эвон как меня проняло.

При всей зыбкости моего взгляда на этот текст, отчетливо понимаю, что будь я судьей предварительного этапа, рекомендовал бы его во 2-й этап однозначно. Не попытайся я написать про этот текст – при определении своих предпочтений в финале, вероятнее всего – отодвинул бы более близкими по стилистике текстами. Как собственно и делал в своих предположениях по результатам голосования на вылет. Теперь даже не знаю.

160. 31 ДЕКАБРЯ

Вот так любая жизнь идёт на спад:
Сначала дождь заносит в чёрный список,
Разливы луж, облизовавших скат
Велосипеда, что оставил брат,
Дымы костров мальчишеских искристых...

Подольше прочего волнует снег,
Покуда резь не сдавит роговицы,
И держит равновесье человек
На наледи осклизлой и ребристой,
И лыж не позабыт бодрящий бег...

И есть на дальнем склоне года день,
Обычаем отмеченный весёлым, –
Двух цифр отнюдь не будничная чернь,
К календам красным крайняя ступень
Под инеем, в слезах смолистых ёлок.

И надо же такому, что и он,
Летящий в детство баловень восторга,
С каких-то пор – не более чем звон
Пустой и громкий, дорогого торго
Обёрнутый в рекламу эталон.

Другого нет в природе декабря,
Но календарь придумали не боги, –
Нарежь на строфы листья букваря,
Наборы чисел инсталлируй в слоги, –
В календослов, иначе говоря,

И по нему живи, одну лишь речь
Простую и высокую прими,
Дни помечай зарубинами встреч,
Пока течёт тепло с пологих плеч;

Запоминай, чем дышат эти земли.

А тридцать первое – оно с тобой:
Прошедшее не умалится сущим.
Ложатся густо краски – слой на слой,
Но старец под морщинистой корой
Всё ж обернётся мальчиком бегущим.

Наверное, все-таки у каждого свой счет потерям. Знаю женщину – ей 75, а она обожает жечь костры, и вовсе не пироманка. Это не недостаток стихотворения, поскольку универсальных решений в поэзии вообще нет. В целом вступление можно было бы признать удачным. Немного выпирает из стилистики «Покуда резь не сдавит роговицы», а вот с фразой «На наледи осклизлой и ребристой» - чуть сложнее. Тут и фонетическое «нана» и эпитет у наледи не самый удачный: первый из них указывает, что наледь покрыта слизью – что-то из жутиков про «нечто». И далее по тексту стилистика для меня постоянно сбивается. Вот фраза уже из перехода к основной части - «на дальнем склоне года» - склон у года один, тут возможно определение несколько иного характера, в крайнем случае – «на самом». «Обычаем отмеченный весёлым» - и ни слова дальше, что за обычай, то ли в баню ходить 31 декабря, то ли кричать «Елочка, зажгись» - полная свобода фантазии для читателя. «не более чем звон пустой и громкий» - ладно, тут разочарование, ностальгия по детскому восприятию праздников, но «дорогого торгова обёрнутый в рекламу эталон» - какого торгова эталон?

Пятая строфа вообще вгоняет в ступор. «Другого нет в природе декабря, но календарь придумали не боги» - в природе как раз никакого вообще декабря нет, декабрь – выдумка человека, как и все другие месяцы, в природе есть только непрерывная смена сезонов из-за причуд взаимного расположения и движения Земли вокруг своей оси и вокруг Солнца. Если же речь о природе в декабре, то она весьма разная – в Австралии в это время жаркое лето. «Нарежь на строфы листья букваря, наборы чисел инсталлирую в слоги, – в календослов, иначе говоря» - неужели вся эта игра, ради вот этого нового интересного слова? «одну лишь речь простую и высокую приемли» - одну, но простую и высокую... может цель, а не речь? «Но старец под морщинистой корой всё ж обернётся мальчиком бегущим» - сдаюсь. Мне ни с первого, ни с десятого, ни с тридцатого раза не удалось проникнуть в образы второй половины этого текста.

188. ПРО СЧАСТЬЕ

но если про что-то и помнить – то только про счастье,
про тёплые дни, когда было не нужно прощаться,
когда вдалеке от оков суетливого круга
мы были свободны и верили только друг в друга.

и если в деталях лукавый – то кто помогал нам
не впасть в искушение скукой, а думать о главном?
пока за стеной недовольные глухо молчали,
мы пели во сне, окружая себя мелочами.

всё то, что однажды весною на мраморной стеле
сквозь грубые цифры проступит нежнейшей пастелью,
улыбкой простой на лицо измождённое ляжет,
заботливо мы день за днём собирали в коллажи:

фонарь за окном. рыжехвостые наглые белки.
любимые книги. шопен. до утра посиделки.
цветы в волосах. полчаса над пузырьчатой плёнкой.
и белые птицы. и первое слово ребёнка...

и всё это было банально, фатально не ново,
как краски рассвета – но мы не хотели иного.
мы солнце встречали – прекрасное невыносимо, –
пока наши губы беззвучно шептали: «спасибо!»

мы знали, что там, за стеной, полагали преступным,
что в этом мирке никогда не мечтали о крупном.
но смотрим вокруг удивлённо: ведь всё – получилось.
такая вот жизнь.
невозможная, высшая милость.

Хорошее начало – половина дела. Начал автор, на мой взгляд, хорошо, но уже в третьей строке читаем - «когда вдалеке от оков суетливого круга». Мне, читателю – не все равно, я хочу понимать, где этот суетливый круг находится, и где тогда были ЛГ и тот, к кому он обращается. Или это просто украшение?

Начало второй строфы порадовало. «недовольные глухо молчали» - меня насторожило. «мы пели во сне, окружая себя мелочами» - вот так гордость – окружать себя мелочами. Понятие «мелочи» - устойчиво относится как раз к «суетливому кругу». Как же так? Неужели о «главном» только думали? Следующие три строфы – неплохо, но не более. Сам автор в начале пятой строфы вкладывает в уста ЛГ фразу «всё это было банально, фатально не ново». И тут же фраза - «мы солнце встречали – прекрасное невыносимо», которую не отнесешь к банальным, но и к поэтическим удачам я бы ее не отнес причислять не стал.

Финальная строфа тоже не обошлась без странного образа – «мы знали, что там, за стеной, полагали преступным, что в этом мирке никогда не мечтали о крупном». Очень мудреная конструкция. Так я и не понял, кто есть, кто. «Мечтали о крупном» - как говорил местный доктор из к/ф «Формула любви» – «Это – да. Это – по-нашему».

192. ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Ветер дует, как ему позволяет роза
ветров, или как он позволяет розе
сбыться: всё решает относительность позы
мысли. Правда, ветер в мыслях – весточка о склерозе.
А снаружи он пространство обтягивает, как тело
кожей, всем собой. Предметами прикидываясь похоже,

принимает форму то облака, летящего оголтело,
то лохматых веток, то лохматых прохожих.
Говорят, если ветер случайно заходит в двери
вместе с вами, - пора перемен для вас покроена: как влитая
сядет. К детям таким ветром прилетает Мэри
Поппинс. Ко взрослым ... что только ни прилетает!
Он силен и вечен. Крутит мельницу, надувает парус,
сеет – любо-дорого (хорошо, не пашет!).
Вот попробуйте бросить на ветер пару
слов – прорастут, не сгинут. Но уже не ваши.
А когда нам придёт пора становиться частичкой суши,
где-то в верхних её слоях, сумрачных и промозглых,
что останется над – сольётся с ветром. Мы говорим: души,
но с точки зрения ветра это всего лишь воздух.

О! В смысле буква, а не цифра. Сейчас посмотрим, действительно «О!» или другие
буквы алфавита. «ветер в мыслях – весточка о склерозе» - попробую поспорить. Ветер в
голове – признак юности. Честнее было бы: «ветер в голове – признак, что еще далеко
до склероза». Но решать автору и его читателям – я лишь один из них. Перед «похоже»
запятую, похоже, надо поставить. «Вот попробуйте бросить на ветер пару слов –
прорастут, не сгинут. Но уже не ваши.» - тут очень тонко – кто-то примет, кто-то нет.
Уже не ваши будут плоды – это да, а прорастут, не сгинут – именно ваши.
Вот и все! В остальном - «О!». Мое-мое-мое! Читательское. Со мной можно не
соглашаться, даже смеяться над моими пристрастиями, но они останутся моими. Буду
ждать объявления авторов.

216. ЗА ДОМОМ ЗАСНЕЖЕННЫЙ САД

За домом заснеженный сад переходит в овраг,
засыпанный с верхом, от поля идущий помостом
к долине, штрихами полных бумажных марок –
читай: пешеходов следами – исчерченной вдосталь.
Вдали оловянной заплатой лоснится каток,
февральским морозом добытый из синего тигля.
Гравюру по ветру рисуют во тьме на глазок
серебряных сосен сухие и кислые иглы.

Страницы сугробов отмечены подписью лис,
оставивших вместо визиток другие улики.
Ватага охотников грузно спускается вниз
в долину, неся за плечами гранёные пики.
Пейзаж расстановкой фигур повторяет сюжет
готической давности: крыши, деревья, равнина,
зима. У амбара мелькает оранжевый свет,
и пахнет соломой и шерстью из клетки овина.

Глядящим с холма открывается снежный размах
простора, зовущего мир рифмовать неустанно,
и манит соблазном писать на широких полях
бумаги – белей не бывает, разгул графоманам.
Во всём откровенья: в привычном предметном кругу,
в слагаемых жизни, в картинах, от древности ветхих,
где чёрною галочкой может на белом снегу
читаться любая сорока, вспорхнувшая с ветки.

Неоконченная пьеса в стихах по картинам зимней природы. «Сад переходит в овраг, засыпанный с верхом, от поля идущий помостом к долине» - тут автор намудрил. Овраг, идущий помостом. Не видел ни разу. Мне возразят – «он же засыпан с верхом». Отвечу – ну дак снегом же засыпан и естественным путем, а не бульдозером. Овраг все равно будет замечен – с подветренной стороны будет оставаться углубление. Без ветра снег вообще ложится равномерно. Овраг, идущий от поля к долине тоже странное создание природы, поля обычно и находятся в долине и являются ее частью. Образ «полночных бумагомарак» - на мой вкус, не из этой картины. Вот двестише про каток – удача. И с соснами было бы хорошо, если бы автор не смешивал серебристое, сухое и кислое. «Страницы сугробов» - страница – плоская, а сугроб – по сути своей куча. «У амбара мелькает оранжевый свет» - что это? Просто свет? Или это лиса, пока охотники отправились на нее охотиться, нанесла им ответный визит, с целью учета и дегустации диетических продуктов в амбаре?

Финальная строфа с ее иронией смотрится более цельной. Здесь становится более понятным наличие «бумагомарак», но гармонии этого образа с общей картиной не добавляет. С другой стороны отдаю должное технике. Местами пейзажи прописаны очень зримо.

Однако самого финала я не почувствовал, словно автор еще не дописал текст, просто вышел на минутку, а я ненароком заглянул в его тетрадку или экран.

220. МОЛИЛАСЬ СИНИ

Молилась сини: «Хочу быть сильной».
Клялась свободой, бранила похоть.
А он явился - во всём стабильный:
«Привет, мерзавка, ну, дай потрогать».

А он ворвался в моё – жилое.
В мою рутину, тепло и тело.
И показалось – оно живое,
И оказалось – оно хотело.

Такое чувство сродни разврату.
А вот не стыдно. Легко и сладко.
Я наслаждалась его посадкой,
Его рассветом, его закатом.

А летом...

Лето печётся вольно:

«Остынь, гордячка. Очнись, рабыня!»

Он камень бросит, а мне не больно.

Он дарит камень, а мне – святыня.

Причем тут лето, ее спросили, но нет ответа – спроси у сини.

Концептуально о чувствах. Отважно. Даже где-то с вызовом. Техника – хороша. Сюжет от зарождения до финала в четырех стандартных строфах – гроссмейстерский признак.

Основные претензии суждены-пересуждены. «Я наслаждалась его посадкой» - то ли летчик садил самолет, то ли залетчика садили за залет, то ли сад-огород он ей садил, то ли восседал так гордо, как орел горный. Ну и момент с летом «А летом...Лето печётся вольно» - что сие значит, опять гадать читателю.

Сложный текст для выбора. Поживем, увидим.

230. ПОД ТОКОВАНЬЕ ПТИЦАМ ОТДАН САД

Под токованье птицам отдан сад,
но силу тока не назвать в амперах.
Пуская за разрядом вновь разряд,
искрит гортань, оправленная в перья.

Рукоплеща без устали, с утра
звенит бузинник, музыкой пронизан,
орешника пульсирует кора,
внимает дом, вибрируя карнизом.

Колоратур и трелей череда –
куда там окарине и гобою –
свиваются над крепостью гнезда,
короне уподобившись; любое
гнездо – отчасти нимб, венец, кольцо
из тёрна с дёрном, символ постоянства.
На дне его покоится яйцо
округлой оккупацией пространства.

Под замкнутой сферической кривой,
слабей луча и звука невесомей,
колышется и спит под скорлупой
одна из самых странных анатомий.
В укромном уголке, где все углы
закруглены, лежит и дремлет, зрея,
не смерть кощя на конце иглы,
но маленькая певчая трахея.

И как постичь, что этот сонный плод,
набор сырья: желток, белок, канатик, –

немногим позже бойко запоёт,
вспорхнув на клён в какой-нибудь канаде,
что вызреет таинственная связь
меж вязкостью и связками, сквозь стенку
проклюнется, взлетит, оборотясь
миниатюрной кузницей акцентов:

мембрана, наковальня, язычок,
удары молоточка, блеск и россыпь.
И если он когда-то на плечо
доверчиво присядет и попросит
за чик-чирик в туннеле декабря,
подай ему, – всего-то крошки грошик.
Пусть свищет вечно, воздух серебра,
пернатый бессеребренник-художник.

Блажен, кто подаянье близ фрамуг
смирненно собирает на кормушках,
отдавая музыкой, кто звук
даёт увидеть в росписях воздушных.
Им всем завещан заповедный сад,
а в нём, как шёлком, щёлканьем расшитом,
щеглы порхают, иволги царят
и зёрнышками хлебников рассыпан.

Вот и еще одно испытание «не моей» поэзией. Собственно, если начать с названия, можно задаться вопросом, почему именно сад? Разве это не штамп, корни которого уходят в самую, что ни на есть салонную поэзию? Потому что в саду – розовые кусты, соловьи и укромная беседка. Птицы токут везде: в лесу, в поле, в горах, в городе, там, где их застанет период тока. Мало того, птицы поют свои песни даже осенью, только к токованию это уже не имеет отношения. А вот к фразе «но силу тока не назвать в амперах», мне кажется, зря придираются критики. Конечно, сюжетно здесь напрашивается «измерить» или «оценить». Но и вариант автора – совсем не криминальный. Обычная постановка вопроса в задаче по физике на электричество – «назовите силу тока в цепи в Амперах». Отвечает автор почти дословно. Мало того, удивительно, но сила звука зависит от силы тока... воздуха из легких. Вот такая физика. Меня больше смущает завершающие две строки первой строфы: «орешника пульсирует кора, внимает дом, вибрируя карнизом», чтобы произошло первое, нужен дятел, а для второго – мужик с перфоратором или приличный ветер. Гипербола? Допущение? Допустим. Замечу, что в середине строфы четыре строки очень даже качественно выполнены.

«Колоратур и трелей череда» - трель – разновидность колоратуры, как выглядит череда чего-то с самим собою, хотелось бы понять. «куда там окарине и гобою» - во-первых, сложность колоратуры зависит не только от инструмента, но и от исполнителя. Пример гобоя очень неудачен – один из самых гнусавых и бесцветных инструментов. А под этими песнями в гнезде уже яйцо. Т.е. птицы еще токут (привлекают партнера), а яйцо уже

вот оно. Опять допущение? Допустим. И опять в промежутке четыре строфы выписаны образно, сочно ярко.

«Под замкнутой сферической кривой» - простите, но это просто перл. Кривая это линия, а сферической бывает поверхность, объект. Так я и врезал на весь белый свет правду-матку. И... посмеялся сам над собой. Автор, примите мои извинения, эта претензия необъективна, в силу того, что знания – не то что у нас в голове, а то, что в жизни вокруг нас. Спасибо за безмолвную науку. Но завершение третьей строфы этой «трахеей» - ну не благозвучно это и излишне натуралистично.

По четвертой строфе вопросов нет. Но в финале появился образ миниатюрной кузницы и через двоеточие с начала шестой строфы перечисление – «мембрана, наковальня, язычок, удары молоточка». Вот тут какая-то засада. Автор рассказывает о певческом аппарате птицы, а он духовой, как и у человека, а органы приводит из слухового аппарата млекопитающих. Не буду давать этому оценку.

По заключительным двум строфам особых вопросов нет, разве что сентенция «кто звук даёт увидеть в росписях воздушных» является чисто поэтическим допущением. Да финальное упоминание «зёрнышками хлебников рассыпан» - этакий обязательный «тройной тулуп» в финале проката. Но... Текст однозначно достоин топа и, будь я я судьей предварительного этапа, текст бы был в списке моих рекомендаций. По голосованию на выбывание у меня другой фаворит.

232. СКРИПАЧКА

Когда-то у Лины были огромные залы,
беспорный талант и волшебная скрипка Амати.
Едва ли кто понял, зачем она вдруг сказала:
«Пожалуйста, хватит!»

Едва ли кто слышал, прозрачный финал профукав,
как мир под смычком незаметно, но явно треснул:
так много фальшивых улыбок, друзей и звуков –
что больше неинтересно.

Амати вернулась в родную свою Кремону.
В письме прилетело: «Grazie, Violina!» –
у мастера Пьетро, прославшего неугомонным,
играют четыре сына,

и – вроде – второй обещает стать знаменитым...
а Лина теперь выступает на перекрёстке.
Смешной пятачок, дождям и ветрам открытый,
отныне – её подмости.

Она поднимает руки в привычном жесте
(пусть нет инструмента больше – волнение то же).
Невидимый взгляду, нервный смычок трепещет,
и струны внутри всё тоньше.

Случайный прохожий думает по ошибке:

«Такая худая – хоть пару монет на ужин...»

Но Лина ворчит, не глядя: «Опять фальшивки!» –
швыряет их прямо в лужу.

Умы в магистрате задумчиво репы чешут:

– И что нам с ней делать – никак не сообразим мы!

– У каждого города собственный сумасшедший.

Скрипачка – отличный символ!

Проходят недели, годы, идут туристы.

И лишь горожане сердито несутся мимо:

«На что тут смотреть? Хотя бы одета чисто...

Нелепая пантомима!»

Но вдруг раздаётся, небесного пенья краше:

«Ну, мама! Постой! Неужели не слышишь – Моцарт!...»

И скрипка летит, захлёбывается в пассаже –

и, наконец, смеётся.

На мой вкус, одно из лучших стихотворений конкурса. Автору не откажешь в чувстве меры, такта и при этом почти предельного обнажения сути происходящего. Лишь несколько моментов вызвали легкий дискомфорт.

«прозрачный финал профукав» - пожалуй, самое спорное место для читателя внутри меня. Слишком контрастирует лексика фрагмента с общим фоном.

«но явно треснул: так много фальшивых улыбок, друзей и звуков – что больше неинтересно» - заметили, мол, что это за «бесспорный талант», если «так много фальшивых... звуков». На мой взгляд, никакого вопроса нет в принципе. У человека абсолютный слух, он играет на скрипке, а из окружающего мира – фальшивые улыбки, друзья и звуки. Помните, как у братьев Кроликовых из Ширли-Мырли, такие же проблемы были?

«Умы в магистрате задумчиво репы чешут» - были еще вопросы по этой фразе в части тавтологии словосочетания «задумчиво репы чешут». На мой вкус, никакой тавтологии. Мы же не считаем тавтологией фразы «задумчиво морщить лоб» или «задумчиво чесать затылок»? Обычное и вполне уместное усиление образа. Любопытно, что критики при этом совершенно не обратили внимание на еще большее «усиление», просто усугубления, показывающего глупое положение – «Умы... задумчиво репы чешут» - ай, да автор! Браво!

«И лишь горожане сердито несутся мимо» - а вот тут чуть не в унисон общей размеренной стилистики это «несутся». Но это такие тонкости, что и на первый и на пятый взгляд порой не уловишь.

Сюжет, его развитие – проработаны отлично. И финал – очень редкий и ценный «зверь» даже на кубке – здесь просто отличный.

236. ИГРАЙ, ЯНИС

Было... то ли – четырнадцать, то ли... – не верю! Зеленело по-майски. Кипели сады. Мы открыли бутылку отцовского «Шерри», а в «остаток» долили из крана воды. Если «предки» придут – никаких покаяний! Будет «дело – труба», всё равно не робей! ...а за стенкой сосед мой – рассеянный Янис – заунывно и нудно играл на трубе.

Что там дальше не сбудется? – Рано итожить. Сколько жить, сколько плыть до последней черты! Майский город исхожен и так же надёжен, как, казавшийся вечным, родительский тыл. Всё пока нипочём – не по-взрослому просто. Помнишь песню «про зайцев»? – Кругом трын-трава!

...а вдали – нарастающий гул девяностых, горечь гари уже различима (едва).
Дальше? – Новые улицы, новые страны. Янис (с новой трубой) в ножевой тишине – на другом берегу обнажившейся раны.
– Хоть о чём говори, но молчи о Стране!

Время выло по-волчьи, скулило по-лисьи, продиралось сквозь дебри, сбивалось с пути. Уходили родные, и падали листья. Только Янис играл – хоть трава не расти! – Ничего, кроме звуков трубы «судьбоносной»...
Расстреляв все снаряды, как гордый «Варяг», выцветает лубочным рисунком с берёзкой пожелтевших времён своего букваря...

Выйдешь в Город – чужой, но... любимый до дрожи! Ощущаешь всей кожей, дожив до седин, что и «малая родина» – Родина тоже (пусть – не солнце – карманный фонарик в груди). Просто все мы – и Лига, и Янис и Саня – смотрим (так оно кажется) в «самую суть», в нашу общую почву вращая корнями, как берёзы и сосны – в латгальском лесу. Пусть шершавый акцент застревает в гортани... Лучше б – росчерком, школьным пером – на судьбе:

– Свэйки, кайминьш!* Мой добрый стареющий Янис!
Ты себя береги и... играй на трубе!

Ностальгия ностальгии рознь. С одной стороны – та же ретроспектива, тот же набор сожалений, но выполнен на высоком поэтическом уровне, а это трудно, когда читатель избалован темой и любой маломальски неудачный пассаж, перегиб или недомолвка могут заставить его отложить текст, а то и вовсе закрыть книгу. У меня даже при первом прочтении не возникло и тени такого желания. И еще. Один маленький авторский аккуратный штришок в финале, который дорогого стоит, и картина приобретает другое композиционное решение и эмоциональный фон. Не пассивный пессимизм, не воинствующий радикализм, не слепой неоправданный оптимизм, а здоровый призыв к умеренности и человечности в отношениях. При этом подача очень деликатная по ходу всего текста.

Наверное, стихотворение – не победитель – слишком уж тема на сегодня «охвачена» и «разработана», но полноправный участник топа.

268. КОТОВЫЕ СУМЕРКИ

Пепел сумерек, угрюмый, как Могол,

хмуро царствует в заброшенном подвале...
В дальней комнате, багрян и накрахмален
светлым пухом голубей, мерцает пол –
поминальными снежинами замёл
ветер капище котовых волхований.

Что котам до сизогрудых скромных птиц,
что Гекуба им – великим крысобоям?
Иль кошатницы не холят и не поят?
Корм крадёт ли у бедняг лукавый шпиц?
Или дворник, узкоглаз и смуглолиц,
гонит их от нежнопахнущих помоек?
Нет, коварны остроухие мешки,
не утеряны тигриные повадки!
К мирным птицам подбираются украдкой,
по-пластунски, озираясь воровски.
Затаённости пружинной вопреки,
их хвосты змеятся в нервной лихорадке...
Но прыжок! Подмяв узорные крыла,
в пуховом клубке выцеливают горло...
И, в подвал несом, небес не видит голубь,
мгла базальт округлых глаз заволокла.
Обнажают бедолагу догола,
утоляют саблезубый древний голод.
Кто б подумать мог - степенные вчера,
мягкошёрстные любимцы всей округи,
стали нынче "мародёры и бандюги"?
Вон, из трапезной слышны их тенора.
Поговаривают – звёздная дыра
вызывает всплески странного недуга.

Водолей ли землю яростью омыл,
инфлюенция ль какая в атмосфере?
В ноздри запах бьёт горячих алых перьев,
проступают пасти хищные из тьмы –
возбуждаются звериные умы
для убийств, жестоких игрищ и мистерий.
Словно факелы, глаза котов горят,
стяги с грозными когтями, звон набата,
и свирепствуют усаты-полосаты,
ритуальный акт над птицами творя.
Занимается кровавая заря,
в небе кружит пух растерзанных пернатых...

Не любитель жутиков, излишнего натурализма и щекотанья нервов, поэтому сюжет этого текста мне вообще неприятен. В жизни я бы просто перелистнул страницу книги, а

найдя пару тройку подобных сюжетов, закрыл бы ее вообще и вряд ли вернулся бы к ней. Но... охота пуще неволи.

«капище котовых волхований» - вариант Василия и Волхвов, но без Василия и с котами. О каких волхованиях котов идет речь? Коты реально совершают ритуальные убийства? «Что котам до сизогрудых скромных птиц» - искусственное недоумение. Природа. Они хищники, они охотятся и в отличие от собак делают это гораздо чаще и виртуознее. А птица для них – обычная добыча, как и домашний попугай или щегол. И еще – вопрос по поводу «скромности голубей» на фоне волхования котов – ну просто кричащая несправедливость. По мне так одна из самых наглых и бесцеремонных птиц, уж простите.

«Нет, коварны остроухие мешки, не утеряны тигриные повадки!» - а вот это свежо и с улыбкой.

Финальный фрагмент, начиная с «водолея», наполненный мистическими моментами, скорее смазывает общее впечатление, не становясь фактическим финалом.

«Занимается кровавая заря» - пахнуло махровым творчеством группы «Любэ». «В небе кружит пух растерзанных пернатых» - да ну? - прямо из подвалов, где их «раздевали»? Исполнительское мастерство, конечно, не пропьешь, но тема – не из лучших, да и финал подкачал.

281. СНЕГ СВЕЖЕВЫПАВШИЙ

Снег свежевypавший топок и тощ.
Вновь потепленье грядёт, не иначе...
Метеослужба накаркала дождь –
Небо послушно над городом плачет.
Все виноваты, а я ни при чём –
Я, как обычно, одна, не со всеми.
Можно, я просто побуду лучом
В маленькой комнате, окна на север,
В доме, уже обречённом на слом,
Но задержавшемся в жизни немножко?
Тихо скользну в уголок под столом,
Где прозябает упавшая ложка.
На батарее погреюсь чуток –
В рёбрах чугунных с ободранной краской,
Высвечу вдруг календарный листок
С датой утраченной, праздничной, красной.
Светлый посланец не этой земли,
Стану расчётливей вдруг и скупее.
Выхвачу книгу на полке, в пыли,
С ценником «рубль сорок восемь копеек».
В мятом ведёрке ржавеют ножи,
Рядом – в горошек линялая тряпка...
Это такая забытая жизнь,
Что от подсчётов становится зябко.
Всё же нас тянет к тому рубежу,

К дням чёрно-белым. Столь важное – что там,
Что я по ним раз за разом скольжу
Лучиком, ветром, задумчивой нотой?
И, позабыв все иные дела,
След закрепляю в разохшейся раме –
Давней эпохи, где я не жила,
Давней судьбы, унесённой ветрами...

«Снег свежевыпавший топок и тощ» - пожалуй, соглашусь с теми, кто замечает, что эпитет «топок» не слишком удачен для описания свежевыпавшего снега. В остальном первые шесть начальных четверостиший очень понравились – крепко скроенная поэтика, несмотря на ностальгическую основу. А вот финал получился не самым удачным. «Всё же нас тянет к тому рубежу, к дням чёрно-белым» - то ли я туплю, не понимая, о чем автор, то ли автор, о чем-то очень личном, но объяснения я не нашел. «След закрепляю в разохшейся раме» - продолжают отвлеченные рассуждения в поэтическом обрамлении. А две завершающие строки вообще сбивают читающего с толку: так, о чем вспоминает ЛГ – о жизни, которую не жил? Жаль, еще раз подчеркну: поэтика начала и основной части очень близка мне.

285. МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК

Чем больше страна – тем мельче ей человек.
Человек это понял однажды – и не огорчился.

Между прочим, кончился дождь. И как раз четверг.
Время «Ч» – из закона на волю полезли большие числа.
И вот-вот человек пожирнее рванет за Урал,
за леса, за моря, с перепугу теряя купюры,
пистолеты, айфоны, крича «Я не крал!»,
«Непосильным трудом!» и жене на прощание «Дура!»
Нет, пока это только мечты. Но уже знатоки
напряглись в предвкушении ужасов нью-декаданса.

Ну, а этот оставил записочку от руки:
«Гражданина Вселенной может лишить гражданства
только Бог». И пошел... А куда? Поди разбери...
Вероятно, совсем не туда, куда посылали.
Что он там замышляет? Что у него внутри?
Как его поймать, расспросить, разобрать на детали?

Он спрятался как последний, но не-пустяк
в матрешечную структуру необщих родин.
Ни на карте, ни в «Википедии», ни в новостях –
человека нигде не видно. И он свободен.

Любопытная поэтическая трактовка понятия свободы. Точнее, насколько я понял, одной

из ее степеней. Мне данная философия не показалась стройной.

Вступление понравилось – тут как раз со стройностью все в порядке. Про дождичек в четверг – понятно. А вот «Время «Ч» – из закона на волю полезли большие числа» - расшифровать не удалось.

Несколько раз перечитал, не могу понять, почему «вот-вот человек пожирнее рванет за Урал»? Во-первых, нешто опять «буржуев – на вилы»? Во-вторых, почему именно за Урал? Чего им у нас за Уралом делать? Вообще поэтика «я не крал» и «дура» отдает агитками 30-х годов двадцатого столетия.

«в матрешечную структуру» понятно, даже изящно, но какая же это свобода? Как дезертиры от армии по погребам прятались? «необщих родин» - не раскрылся мне образ.

Вообще, подобная свобода – чистой воды иллюзия, особенно для индивидуумов родившихся и выросших в урбанистическом обществе. Иллюзия свободы порождает иллюзию безопасности.

298. АЮТТАЙЯ

Гору накрыло небо – хрустальный панцирь, вырос под небом город – и стал великим. Будды сжимали лотосы в тонких пальцах, Будды хранили мир в узкоглазых ликах. Пламя пришло внезапно и отовсюду, пламя плясало ярким священным цветом. Отсвет огня ложился на плечи Буддам, Будды не отворачивались от света.

Город лежал в руинах пяти столетий, люди ступали в обуви на пороги, верили: боги счастливы, если где-то свергнуты с пьедесталов чужие боги. Город лежал открытой смертельной раной, пачкая кровью складки своей постели. Люди входили в боль закопченных храмов. Буддам в глаза, наверное, не смотрели.

Камень одним ударом не переломишь – камень, рождённый миром в его начале. Люди рубили яростно и наотмашь, Будды сжимали лотосы и молчали. Если безумью в мире дано свершиться, то и дела во славу его свершатся. Люди рубили по узкоглазым лицам, по головам, плечам, по цветам и пальцам...

Город лежит под небом семи столетий, город под пеплом выжил в эпоху мрака. Тот, кто смотрел в глаза неизбежной смерти, смотрит на мир без жалобы и без страха. Будды сидят на стёртых седых ступенях, в трещинках мелких камень шероховатый. Будды хранят Вселенную, как умеют – сотни безруких и безголовых статуй.

Эпохальное произведение: и с точки зрения сюжета, и с точки зрения выводов в финале. Мантрическая составляющая понятна, но недаром говорят, что от частого повторения слова теряется его смысл. Для восточных практик это нормально – там одна из задач – избавиться от земных обывательских значений предмета или явления. Но поэтика русского слова требует немного иного. Впрочем, у текста найдется достаточно поклонников и без меня.

Несколько моментов, которые при чтении вызвали вопросы.

«Будды хранили мир в узкоглазых ликах» - на мой вкус, образ не доработан.

«Узкоглазых» - слово, несущее груз пренебрежительной интонации. Ну и само действие –

хранить мир в ликах – это как?

«ярким священным цветом. Отсвет» - что-то тут с цветом/светом недошлифовано.

«люди ступали в обуви на пороги» - значение этой фразы мне не раскрылось. Если это какой-то обычай, то он относится ко всем помещениям или только к храмам? «Буддам в глаза, наверное, не смотрели» - если люди бесцеремонны, чего им бояться взгляда каменных Будд?

«Камень одним ударом не переломишь» - камни не переламывают.

«Будды сидят на стёртых седых ступенях, в трещинках мелких камень шероховатый» - такое ощущение, что лучшие из лучших слов закончились, и фразы начинают заполняться лучшими из худших. «Седые ступени» - не представляю. Шероховатость мелких камней еще и в трещинках – не самое достойное сюжетное наполнение момента. Финальная фраза – хороший повод подумать над тем, кто все же хранит мир на самом деле.

310. ЧАЕПИТИЕ ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Навязчивый стоп-кадр из допотопных пор,
где льётся разговор, где мы за чаем – вместе,
где солнечный зрачок глядит на нас в упор
под мрачной чёлкой туч, нависшей над предместьем,

где вдруг запечатлел луча случайный блиц,
над черепицей крыш сверкнувший одиноко,
как мы цветём внутри невидимых теплиц,
не ведая пока отпущенного срока.

Малина, абрикос, крыжовник, - витражи
всей радугой цветов сплелись в оконной раме.
Непрочное стекло, под ветром не дрожи.
Какой-то странный свет пульсирует над нами.

Взорвался небосвод, и вспыхнуло окно,
и все поражены иллюзией единой.
И лишь твоё лицо бледно, оплетено
крестом витражных рам, цветною паутиной.

И обречённость глаз, и утончённость скул
в нечаянных чертах вечерний свет наметил,
как будто дождь пыльцу обыденности сдул
с засохшего цветка, и стал он свеж и светел.

Первая строфа хороша и сюжетно и образно. Разве что не слишком сочетаемы слова «Стоп-кадр» и «где льётся». А во второй сразу же спотыкаешься о «луча случайный блиц» и объяснения этой фразе нет. Дальше по тексту очень много красивостей, которые порой противоречат друг другу.

«Малина, абрикос, крыжовник, - витражи всей радугой цветов сплелись в оконной раме»

- я так понимаю, это цвета стекол в окне? Или это продолжения по смыслу фразы «как мы цветём внутри невидимых теплиц»?

«Взорвался небосвод, и вспыхнуло окно» - какой же это стоп-кадр? Когда такая динамика? «и все поражены иллюзией единой» - кто все? Обычно это местоимение не используется в описании встреч мужчины и женщины тет-а-тет. Какой иллюзией? Дальше об этом ни слова. «И лишь твоё лицо бледно, оплетено крестом витражных рам, цветною паутиной» - «и лишь» требует чего-то в предшествующем повествовании, что отличается от этого «и лишь», а там только «все поражены». А тут еще бледное лицо, что характерно для вспышки молнии, но оно почему-то окружено цветною паутиной. «И обречённость глаз, и утончённость скул в нечаянных чертах вечерний свет наметил» - что-то я запутался – солнце «в упор», тут же молния и тут же «вечерний свет». Дальше – освещение при молнии не может дать утонченных черт, как и вечернее освещение. Утонченные черты можно получить при дневном рассеянном свете или хорошо поставленном искусственном освещении. «и стал он свеж и светел» - те же проблемы с освещенностью вечером. Пейзажи и портреты при вечернем освещении более контрастны с потерей проработки деталей в тенях вплоть до «темного ключа». Даже если отбросить вопросы описания портрета, в финале есть противоречие между обреченностью глаз, которая говорит о том, что образ «свеж и светел». А там еще «пыльца обыденности»... Увы.

312. ВЕРСИЯ МАРСИЯ

Что скривил чело, лучезарный Феб-кифаред –
фаворит Фортуны, сияньем светил согрет,
над кифарой поник, капризно гриф теребя?
Неужели постиг, что я переиграл тебя?

Пусть, от шеи до паха распоротый, как хот-дог
упаду во прах у твоих золочёных ног.
Уничтожь меня, боже, кожу мою сдери,
только музыку не достанешь, - она внутри.

По мотивам нашего мифа роман сочинят.
Снимет фильм Голливуд, назовут - «Молчанье ягнят»,
как один маньяк, драпируясь кожей чужой,
щеголял своей заштопанною душой.

Обдери весь мир, семь шкур на себя напаль,
завладей моей флейтой, но всё же поймёшь едва ль,
как согретый дыханьем, звонко запел тростник,
из каких пустот пленительный звук возник.

Пусть твой гордый профиль выбит в мраморе плит,
но внутри тишина, она тебя испепелит.
На твоё выступленье проданы все места,
но коварная флейта ужалит тебя в уста.

А когда народ тебя вознесёт на щит,
скорлупой оболочка заёмная затрещит,
и пред взорами публики радужное нутро,
вывернется блистательно и пестро.

Я не большой любитель средневековья, но с интересом прочел две первых строфы, хотя фразы «скривил чело» и «гриф теребя» вызвали некоторое недоумение. Но третья строфа вызвала куда больше недоумения, скорее даже разочарование. Четвертая строфа, вроде, возвращает повествование в требуемое сюжетное и стилистическое русло, но ненадолго. Пятая строфа слабее с непонятно внутри кого/чего тишиной, аншлагом и коварной флейтой. Финал видится совсем слабым. Какие-то чудовищные образы - «скорлупой оболочка заёмная затрещит» и «радужное нутро, вывернется блистательно и пестро».

Спасибо за внимание.

PalasSatiyKoteg 2015.